Она & Он
роман
МАРК ЛЕВИ
Впервые на русском

Марк Леви

Она & Он

«Азбука-Аттикус»
2015

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Она & Он / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2015

Пол публикует первый роман и уезжает из Сан-Франциско в Париж. Сочиняет, встречается с читателями – и чувствует себя безмерно одиноким. Миа бежит из Лондона, бросив предавшего ее мужа, и находит убежище у подруги-француженки. Миа случайно заходит на сайт знакомств и назначает встречу Полу. С этого момента жизнь обоих превращается в клубок проблем. От друзей никакой помощи, они только еще больше все запутывают. Куда бежать, разве что на край света? Но даже далекое путешествие не поможет убежать от самого себя.

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

© Леви М., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

1 6
2 10
3 13
4 21
5 33
6 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Марк Леви
Она & Он

© Editions Robert Laffont / S. A., Paris, Versilio, Paris, 2015
© На обложке: Emmy Lou Virginia / PEC Photo / Getty Images
© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
Издательство Иностранка®

* * *

Моему отцу
Моим детям
Моей жене

Когда-нибудь я поселюсь в теории, ибо в теории все всегда хорошо…

1

Дождь вымочил крыши и фасады, автомобили и автобусы, тротуары и пешеходов. В Лондоне лило не переставая с начала весны. У Миа только что закончилась встреча с агентом.

Крестон был человеком старой закалки, из тех, кто всегда говорит правду, но делает это изысканно. Олицетворение изящества, он вызывал уважение, на званых ужинах цитировали его хлесткие высказывания, впрочем, никого не оскорблявшие. Миа пользовалась его покровительством, что в мире кино, жестоком и зачастую грубом, было неоценимым преимуществом.

В тот день Крестон побывал на закрытом просмотре нового фильма Миа. Ей не разрешалось сопровождать его на таких просмотрах, поэтому она ждала результата у него в кабинете.

Крестон снял плащ, уселся в кресло и не стал ее томить:

– Экшн, налет романтичности, сценарий искусно выстроен вокруг интриги, которая, правда, слабовата, но кому в наши дни есть до этого дело?

Миа, слишком хорошо знавшая Крестона, поняла, что этим он не ограничится.

Она великолепна, продолжал он, но злоупотребляет обнаженкой. В следующий раз ей лучше проявить бдительность и не демонстрировать ягодицы в каждом третьем эпизоде. Он сам об этом позаботится в интересах ее карьеры: на людей слишком быстро навешивают ярлыки.

– А теперь признайтесь честно, что вы думаете о фильме, Крестон.

– Ты играла безупречно, и о твоей роли я могу высказаться только в превосходной степени. С другой стороны, нельзя бесконечно снимать фильмы, герои которых успевают за одну осень совершить два предательства, три измены и выпить чашку чая. Это приключенческий фильм, камера много ерзает, действующие лица суетятся… Что к этому добавить?

– Правду, Крестон!

– Барахло, дорогая моя, самое что ни на есть барахло, но на него пойдет много зрителей, потому что на афише красуетесь вы с мужем. Само по себе – это событие, за неимением других. Пресса будет без ума от вашего сотрудничества на экране, еще больше ей понравится то, что ты заменила его в роли звезды. Это не комплимент, а очевидность.

– Обычно звезда – он, – ответила Миа с вымученной улыбкой.

Крестон почесал бороду – жест, в который он вкладывал глубокий смысл.

– Как поживает ваш брак?

– Уже никак.

– Осторожно, Миа, только без глупостей!

– Какие еще глупости?

– Ты меня отлично поняла. Все так плохо?

– Съемки нас не сблизили.

– Это именно то, о чем я не желаю слышать – по крайней мере до тех пор, пока фильм не выйдет в прокат. Будущность шедевра зиждется на вашем партнерстве, как на экране, так и на публике.

– У вас есть для меня новые сценарии?

– Есть, и не один.

– Крестон, мне хочется за границу, подальше от Лондона, от его тусклых цветов, хочется сыграть умную, заметную роль, услышать слова, которые меня тронут, заставят смеяться. Хочется немного нежности, хотя бы в маленьком скромном фильме…

– А мне хочется, чтобы мой «ягуар» никогда не ломался, но вот беда: обслуживающий его механик уже давно обращается ко мне по имени. Понимаешь, что это значит? Я старался выстроить тебе карьеру, у тебя в Англии куча зрителей, толпа поклонников, готовых платить, что бы ты ни делала, хоть справочник подряд читай, тебя начинают ценить почти по всей

Европе, тебе платят неприличные по теперешним временам гонорары. Если этот фильм будет пользоваться успехом, на что я надеюсь, ты скоро станешь самой знаменитой актрисой поколения. Поэтому я прошу тебя проявить терпение. Согласна? Пройдет две-три недели – и предложения из Америки посыплются, как капли этого проклятого дождя за окном. Ты будешь причислена к сонму великих.

– Великих дур, улыбающихся до ушей, когда им тоскливо до чертиков?

Крестон выпрямился в кресле и прокашлялся.

– И этих, и других счастливиц. – И добавил, повысив тон: – Не желаю больше видеть тебя с такой грустной физиономией! Давая интервью, вы с мужем станете ближе друг другу. Во время рекламной кампании вам придется столько улыбаться, что в конце концов вы втянетесь в эту игру.

Миа шагнула к книжному шкафу, открыла лежавший на полке портсигар и взяла сигарету.

– Ты забыла, что я терпеть не могу, когда курят у меня в кабинете?

– Тогда зачем тут портсигар?

– На всякий случай.

Миа полоснула Крестона взглядом и села, закурив сигарету.

– Кажется, мне изменяют.

– Все в наши дни так или иначе становятся жертвами измены, – рассеянно обронил он, изучая почту.

– Я серьезно.

Крестон оторвался от чтения.

– В каком смысле изменяют? Я хочу сказать – время от времени или постоянно?

– Это что-то меняет?

– А ты сама никогда ему не изменяла?..

– Нет. То есть да, всего разок. Мой партнер великолепно целовался, и мне стало завидно. Я стремилась к естественности сцены – разве это измена?

– Намерение – вот что важно. Как назывался тот фильм? – осведомился Крестон, приподнимая бровь.

Миа отвернулась к окну. Агент вздохнул.

– Что ж, предположим, он действительно тебе изменяет. Какое это имеет значение, если вы все равно друг друга разлюбили?

– Он меня разлюбил, а я его – нет.

Крестон выдвинул ящик стола, достал пепельницу, чиркнул спичкой. Миа выпустила длинную струю дыма, и он засомневался, не от дыма ли у него щиплет глаза. Раздумывать над этим вопросом он не стал.

– Он был звездой, ты – дебютанткой. Он решил поиграть в Пигмалиона, но ученица превзошла учителя. При его самомнении с этим трудно смириться. Не стряхивай пепел куда попало, я люблю свой ковер.

– Ничего подобного!

– Представь, так и есть. Я не говорю, что он плохой актер, но…

– Что – но?

– Сейчас неудачный момент, вернемся к этому разговору позже. У меня сегодня много встреч.

Крестон прошелся по кабинету, аккуратно забрал у Миа сигарету и раздавил ее в пепельнице. Потом взял Миа за плечо и повел к двери.

– Скоро ты будешь играть всюду, где пожелаешь: в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Риме. А пока смотри не наделай глупостей. Потерпи всего месяц, о большем я тебя не прошу. От этого зависит твое будущее. Обещаешь?

* * *

Выйдя от Крестона, Миа взяла такси и поехала на Оксфорд-стрит. Когда ей делалось грустно – а в последнее время с ней такое случалось регулярно, – она отвлекалась, гуляя по этой оживленной улице.

Бродя по галереям торгового центра, она сделала попытку дозвониться Дэвиду, но у него включился автоответчик.

Чем это он занят в разгар дня? Где пропадает уже вторые сутки? Два дня и две ночи от него не было вестей, если не считать лаконичного сообщения на автоответчике их домашнего телефона: он едет за город, ему нужно восстановить силы, ей не о чем беспокоиться… Его слова вызвали у нее еще большее беспокойство.

Дома Миа постаралась взять себя в руки. Когда Дэвид вернется, ей нельзя показывать ни малейших признаков тревоги. Сохранять достоинство, самообладание, не подавать виду, что она по нему скучала, и главное – не задавать никаких вопросов.

Ей позвонила подруга с предложением вместе пойти на открытие нового ресторана. Она согласилась и решила появиться там во всем блеске. Она сумеет вызвать у Дэвида ревность! И вообще, лучше оказаться в компании незнакомых людей, чем сидеть дома в глухой тоске.

Ресторан был огромный, музыка слишком громкая, зал битком набит: ни поговорить, ни шагу ступить – обязательно с кем-нибудь столкнешься. «Неужели находятся любители так проводить вечера?» – подумала она, собираясь с духом, прежде чем нырнуть в это людское море.

Входящих ослепляли вспышки фотокамер. Так вот почему подруге так хотелось прийти сюда именно с ней! Чтобы попасть на страницу светской хроники в каком-нибудь глянцевом журнале. Получить свою минуту славы. *Черт бы тебя побрал, Дэвид, зачем ты заставляешь меня скучать в одиночестве в подобных местах? Тебе, видите ли, силы нужно восстановить… Погоди, ты за это поплатишься!*

Зазвонил телефон, но номер звонящего не определился. В такой час это почти наверняка он. В подобном гвалте ничего не расслышишь! Будь она снайпером, чертов диджей получил бы пулю в лоб.

Она огляделась. Одинаковое расстояние отделяло ее от входа и от кухни. Толпа уносила ее все дальше от дверей, но она решила грести против течения. Прижала телефон к уху и прокричала:

– Подожди, не отключайся! *Ты же, дорогая, вроде собиралась хранить спокойствие, разве нет?*

Пробить себе дорогу, отпихнув какую-то куклу на высоченных каблуках и вьющегося вокруг нее придурка. Отдавить ноги этой вертлявой тощей вешалке, обогнуть хищно уставившегося на нее мажора. *Приятно тебе повеселиться, старина, твоя соседка, похоже, – собеседница что надо!* Еще десяток шагов – и вот наконец дверь.

– Только не отключайся, Дэвид! *Да заткнись же, идиотка!*

Она устремила умоляющий взгляд на вышибалу: только бы отсюда вырваться!

Вот она и на свободе! Свежий воздух, на улице довольно тихо… Подальше от густой толпы жаждущих проникнуть в ад!

– Дэвид?

– Где ты?

– На приеме… *Вот наглец, еще задает такой вопрос!*

– Развлекаешься, дорогая?

– *Лицемер!* Да, здесь забавно… *Откуда у тебя это самодовольство?* А ты?.. *Тупица!* Ты сам где? *Причем уже два дня!*

– Еду домой. Ты скоро вернешься?

– Я уже в такси. *Поймать такси! Скорее!*

– Я думал, ты на приеме.

– Когда ты позвонил, я уже выходила.

– Тогда ты, скорее всего, приедешь раньше меня. Если устала, то не жди меня, тут сплошные заторы, даже в такой поздний час. В Лондоне стало совершенно невыносимо. Не проедешь!

Это ты стал невыносим! Как ты смеешь мне советовать не ждать тебя? Уже два дня я только и делаю, что жду!

– Я оставлю в спальне свет.

– Чудесно! Целую. До встречи.

Блики света в лужах на тротуаре, парочки под дождем…

А я одна, как последняя дура. Ничего, завтра начну новую жизнь, и плевать на кино. Нет, не завтра, сегодня!

2

Париж, два дня спустя

– Почему дверь всегда отпирается самым последним ключом в связке? – возмущенно воскликнула Миа.

– Потому что жизнь скроена кое-как. Разве иначе на лестничной клетке перегорела бы лампочка?

Дейзи ворча пыталась осветить замочную скважину включенным мобильным телефоном.

– Хватит с меня чужих выдумок, теперь мне подавай реальность: я нуждаюсь в чем-то настоящем, просто настоящем.

– А мне бы не помешало более определенное будущее, – вздохнула Дейзи. – Что, не получается? Тогда давай сюда ключи, а то у меня садится батарейка.

Последний ключ в связке и правда подошел. Войдя в квартиру, Дейзи первым делом щелкнула выключателем, но свет не загорелся.

– Кажется, весь дом утонул в темноте.

– Вместе со всей моей жизнью, – буркнула Миа.

– Не будем преувеличивать.

– Я не умею жить во лжи, – не унималась Миа. Ее тон взывал к снисхождению, но Дейзи слишком давно ее знала, чтобы согласиться участвовать в игре.

– Не болтай ерунду. Ты талантливая актриса, а значит, профессиональная лгунья… Где-то у меня были свечи. Надо их найти, а то вдруг батарейка моего айфона сейчас…

Экран телефона снова загорелся.

– Как насчет того, чтобы послать их всех куда подальше? – спросила Миа шепотом.

– Как насчет того, чтобы немного мне помочь?

– Я готова, но ни черта же не видно!

– Теперь мне полегчало: ты осознала сложившуюся ситуацию!

Дейзи, двигаясь на ощупь, приблизилась к столу и пошарила на нем. Обходя его, она повалила стул, тихонько выругалась, нащупала у себя за спиной кухонный стол. Так же ощупью она добралась до газовой плиты, взяла с полки спички, повернула кран и зажгла одну конфорку. Ее озарило синим светом.

Миа устало присела за стол.

Дейзи обшарила один за другим все ящики. Ароматические свечи в ее доме не могли прижиться. Ее страсть к гастрономии диктовала свои правила: ничто не должно примешиваться к аромату изысканных блюд. Некоторые рестораторы вешают на своих дверях уведомления, что не принимают к оплате кредитные карты, а Дейзи охотно перекрыла бы вход в свой дом обильно надушенным особам.

Наконец она отыскала и зажгла свечи. Их свет рассеял темноту.

Главным местом в квартире Дейзи была кухня. Именно здесь протекала вся жизнь. Кухня превосходила размерами две комнатушки, отделенные от нее ванной комнатой. На рабочем столе выстроилась батарея глиняных сосудов, в которых хранился тимьян, лавровый лист, розмарин, сушеный укроп, душица, монарда и жгучий перец. Кухня была лабораторией Дейзи, источником упоения и отдушиной. Здесь она отрабатывала новые рецепты, прежде чем побаловать посетителей своего ресторанчика на Монмартре, в двух шагах от дома.

Дейзи не получила специального образования, мастерство она унаследовала от предков и своей родной земли – Прованса. В детстве, пока сверстники резвились в тени сосен и олив, она наблюдала за тем, как готовит мать, и перенимала ее приемы. В саду рядом с семейным домом она училась сортировать травы, а в кухне, у плиты, – находить им применение. Приготовление еды было для нее равносильно самой жизни.

– Хочешь есть? – спросила она Миа.

– Может быть. Сама не знаю.

Дейзи достала из холодильника тарелку с лисичками и пучок петрушки, оторвала головку чеснока от связки, висевшей справа от нее.

– Без чеснока никак? – спросила Миа.

– Ты сегодня вечером собираешься с кем-то целоваться? – вскинула голову Дейзи, нарезая петрушку. – Расскажи, пока я готовлю.

Миа глубоко вздохнула.

– Нечего рассказывать.

– Ты появляешься перед самым закрытием моего бистро с дорожной сумкой и с таким выражением лица, будто рухнул мир. И с той минуты ноешь не переставая. Я сделала вывод, что ты приехала повидаться со мной не потому, что соскучилась.

– Мой мир действительно рухнул.

Дейзи застыла с ножом в руке.

– Я тебя умоляю, Миа! Я готова все выслушать, только чур без вздохов и стенаний, здесь нет кинокамер.

– Из тебя получился бы отличный режиссер! – сердито бросила Миа.

– Возможно. Я слушаю.

Пока Дейзи возилась у плиты, Миа уселась за стол.

* * *

Когда дали свет, подруги вздрогнули от неожиданности. Дейзи повернула выключатель-диммер, снизив яркость ламп, потом открыла электрические жалюзи. Из окон квартиры открывался прекрасный вид на Париж.

Миа подошла к окну.

– У тебя есть сигареты?

– Возьми на столике. Не знаю, кто их там оставил.

– Наверное, у тебя много любовников, если ты не уверена, кто из них забывает у тебя сигареты?

– Если хочешь курить, ступай на балкон.

– Ты пойдешь со мной?

– А у меня есть выбор? Очень хочется услышать продолжение!

* * *

– Так ты оставила свет в спальне? – спросила Дейзи, подливая подруге вина.

– Да, но не в гардеробной. Там я «забыла» табурет, чтобы он об него споткнулся.

– Надо же, у вас есть гардеробная! Что было потом?

– Я притворилась спящей. Он разделся в ванной, долго стоял под душем, потом улегся и потушил свет. Я ждала, что он хоть что-то шепнет, поцелует меня. Наверное, он восстановил не все силы, потому что сразу уснул.

– Хочешь знать мое мнение? Впрочем, хочешь или нет, я все равно скажу. Муж у тебя – подлец. Остается ответить на простой вопрос: наделен ли он качествами, заставляющими закрывать глаза на его недостатки. Хотя нет, правильнее спросить, почему ты в него по – прежнему влюблена, раз он делает тебя такой несчастной. Если только ответ не лежит на поверхности: ты влюблена в него как раз потому, что он делает тебя несчастной.

– Сначала я была с ним совершенно счастлива.

– Надеюсь. Если бы все было плохо с самого начала, то из книжек испарились бы прекрасные принцы, а вместо романтических комедий стали бы снимать фильмы ужасов. Не смотри на меня так, Миа. Если хочешь выяснить, изменяет ли он тебе, спрашивай его самого, а не меня. И положи ты сигарету, слишком много куришь! Это всего лишь табак, а не любовь.

По щекам Миа побежали слезы. Дейзи уселась рядом с ней и крепко обняла.

– Поплачь! Хмель уйдет, и ты успокоишься. Любовные огорчения лишают покоя, но настоящая беда – это когда жизнь превращается в пустыню.

Миа клялась себе, что при любых обстоятельствах сохранит достоинство, но с Дейзи было трудно сдерживаться. Такая дружба, как у них, с такой долгой историей, – это братство по добровольному выбору.

– Почему ты говоришь о пустыне? – пролепетала она, вытирая слезы.

– Это ты так спрашиваешь, как дела у меня?

– Ты тоже чувствуешь себя одинокой? Думаешь, мы когда-нибудь найдем свое счастье?

– Тебя-то, мне кажется, оно в последние годы не обходило стороной. Ты известная, признанная актриса, за одну картину тебе платят столько, сколько мне не заработать за всю жизнь, к тому же ты замужем. Ты видела вечернюю газету? Тебе не на что жаловаться.

– А что, случилось что-нибудь?

– Понятия не имею. Была бы какая-то радостная новость – люди вышли бы праздновать на улицы. Как тебе мои лисички?

– Твоя еда – лучшее на свете средство от депрессии.

– А почему мне, по-твоему, захотелось стать шеф-поваром? Все, теперь марш в постель! Завтра я позвоню этому кретину, твоему мужу, и сообщу ему, что тебе все известно: он изменил жене, наплевав на ее гениальность, и она от него уходит – не к другому, а из – за его кретинизма. Когда я повешу трубку, несчастным станет он.

– Ты же этого не сделаешь?

– Нет, ты сама это сделаешь.

– Не могу, хотя очень хочется.

– Почему? Тебе больше нравится дешевая мелодрама?

– Дело в том, что мы с ним исполнили главные роли в высокобюджетном фильме, который выходит на экраны через месяц. Там я всем довольна и счастлива. Если станет известна правда обо мне и Дэвиде, кто же поверит нашей экранной паре? Продюсеры не простят мне предательства, мой агент тоже. И потом, я хочу быть здравомыслящей обманутой женой, мне не нужно публичное унижение.

– Какой же мерзкой лгуньей надо быть, чтобы играть такую роль!

– А зачем я к тебе, по-твоему, приехала? Мне самой долго этого не вынести. Приюти меня.

– Надолго?

– Сколько выдержишь.

3

На Порт-де-ла-Шапель кабриолет «сааб» одним махом перестроился через три полосы, не обращая внимания на возмущенно мигающие фарами другие автомобили, ушел с окружной и помчался по автостраде А1 в направлении Руасси – Шарль де Голль.

– Почему именно я все время забираю его из аэропорта? Клянусь, за тридцать лет дружбы он ни разу не ответил мне взаимностью! Слишком я добрый, в этом все дело! Если бы не я, они бы вообще не были вместе. Простого «спасибо» и то от них не дождешься, – возмущенно бормотал себе под нос Пол, поглядывая на себя в зеркало заднего вида. – Да, я крестный отец Джо, но кого еще они могли выбрать? Пильгеса? Ни за что, тем более что его жена и так уже стала крестной матерью. Вот я и говорю: вечно я всем оказываю услуги, всю жизнь только этим и занимаюсь. Не то чтобы меня это огорчало, но я был бы не против, если бы и мне кто-нибудь уделил хоть немного внимания. Взять хотя бы Лорэн: когда я жил в Сан-Франциско, она хоть раз познакомила меня с какой-нибудь студенткой-медичкой? А ведь у нее в больнице они бродили табунами, как и экстерны, между прочим. Но нет, никогда! У них, видите ли, нечеловеческий график! Если этот тип сзади еще раз мигнет мне фарами, я ему голову оторву! Надо прекращать разговаривать с самим собой, Артур прав, меня того и гляди примут за психа. С другой стороны, с кем мне еще разговаривать? С персонажами своих романов? Нет, прекращай эту ерунду, ты что, старина? Это дряхлые старики разговаривают сами с собой. Остаются одни – и давай болтать! Или трещат без умолку, когда собираются вместе. Или надоедают нравоучениями внукам. У меня самого будут когда-нибудь дети? Я ведь тоже состарюсь…

И он снова посмотрел на себя в зеркало.

«Сааб» замер перед автоматическим шлагбаумом. Пол взял талон, сказал автомату «спасибо» и поднял стекло.

Судя по табло прилетов, рейс «Эр Франс» № 83 прибыл по расписанию. Пол изнывал от нетерпения.

В зал уже выходили первые пассажиры. Пока что маленькая горстка – вероятно, первый класс.

* * *

После издания первого романа Пол решил временно оставить свою карьеру архитектора. Писательство подарило ему свободу, о какой он раньше и не подозревал. Все получилось само собой. Ему просто нравилось заполнять буквами страницы. Их насчитывалось почти три сотни, когда он напечатал слово «конец». Вечер за вечером он ощущал себя пленником своего повествования, почти перестал выходить из дому и ужинал чаще всего перед компьютером.

Зато по ночам Пол переносился в воображаемый мир, где чувствовал себя счастливым в обществе персонажей, ставших его закадычными друзьями. Под его пером становилось возможно буквально все.

Когда текст был завершен, он оставил его валяться на письменном столе.

Его жизнь полетела кувырком спустя несколько недель, когда Артур и Лорэн напросились к нему на ужин. В какой-то момент Лорэн позвонили из больницы, и она попросила у Пола разрешения уединиться в его кабинете. А Пол с Артуром, дескать, смогут свободно поболтать в чисто мужской компании.

Заскучав от многословных речей собеседника, Лорэн нашла на столе рукопись и стала лениво листать страницы и вскоре забыла, о чем беседовала с коллегой.

Профессор Краус уже повесил трубку, а Лорэн никак не могла оторваться от чтения. Прошел добрый час, прежде чем Пол просунул голову в дверь, чтобы проверить, все ли в порядке. И увидел, что она по-прежнему сидит за столом, широко улыбаясь.

– Я тебе помешал? – спросил он.

Лорэн подскочила от неожиданности:

– Чтоб ты знал, это потрясающе!

– Тебе не кажется, что сначала нужно было попросить у меня разрешения?

– Можно я заберу это с собой и дочитаю?

– Нормальные люди не отвечают вопросом на вопрос.

– Значит, я ненормальная. Можно?

– Тебе действительно нравится? – недоверчиво спросил Пол.

– Действительно, – заверила его Лорэн, собирая страницы.

Она забрала рукопись и молча прошествовала мимо Пола в гостиную.

– Разве я ответил «да»? – спросил он, следуя за ней по пятам.

Она шепотом, на ухо, попросила его ничего не рассказывать Артуру.

– Что еще за «да»? – взволновался тот, приподнимаясь с дивана.

– Уже не помню, – отмахнулась Лорэн. – Ну что, пошли?

Прежде чем Пол опомнился, Артур и Лорэн вышли за дверь и, уже стоя на лестнице, поблагодарили его за чудесный вечер.

* * *

Наконец вышла целая толпа пассажиров – человек тридцать. Однако тех, кого Пол приехал встречать, среди них не оказалось.

Что они там копаются? Пылесосят за собой салон? Чего мне, собственно, недостает здесь, в Париже? Дома в Кармеле… Поездок туда по выходным, их общества, закатов на пляже… С тех пор минуло уже почти семь лет. Куда утекли все эти годы? Друзья – вот кого мне недостает больше всего. Видеозаписи – это, конечно, лучше, чем ничего, но разве их сравнить с объятиями любимых людей, с ощущением их присутствия? Обязательно надо будет поговорить с Лорэн о своих постоянных головных болях: это ее специализация. Нет, она, чего доброго, назначит обследование, а это простая мигрень: далеко не у всех, кто мучается мигренями, опухоль мозга. В общем, там видно будет. Когда они выйдут, в конце-то концов?!

* * *

На Грин-стрит было безлюдно. Поставив «форд»-универсал на стоянку, Артур вышел и открыл дверцу Лорэн. Они вместе поднялись по лестнице на последний этаж викторианского домика, где жили. Редко случается, чтобы пары жили в одной квартире, прежде чем познакомиться, но тут был особый случай – и совершенно другая история…

Артуру предстояло доделать эскизы проекта для важного клиента. Он попросил у Лорэн прощения, поцеловал ее и уселся за рабочий стол. Лорэн без промедления юркнула под одеяло и погрузилась в чтение рукописи Пола.

Артур то и дело слышал из-за стены ее смех, всякий раз смотрел на часы и снова брался за карандаш. Позже, уже ночью, смех сменился всхлипами. Он встал, осторожно приоткрыл дверь и увидел, что жена сидит в постели, увлеченная чтением.

– Что с тобой? – испуганно спросил он.

– Ничего, – ответила она, закрывая рукопись и беря с ночного столика бумажный платок.

– Скажи, что тебя расстроило?

– Я не расстроена.

– У кого-то из твоих больных ухудшение?
– Нет, с ними все чудесно.
– Почему же ты плачешь?
– Ты уже ложишься?
– Сначала объясни, отчего ты не спишь.
– Не знаю, вправе ли я…
Артур уселся рядом с Лорэн, решив добиться от нее признания.
– Это из-за Пола, – выдавила она.
– Он заболел?
– Нет, написал…
– Что он там написал?
– Я должна попросить у него разрешения, прежде чем…
– У нас с Полом нет друг от друга секретов.
– Похоже, что есть… Не настаивай, лучше ложись спать, уже поздно.

Следующим вечером Лорэн позвонила Полу в архитектурную мастерскую.
– Мне надо с тобой поговорить. Моя смена заканчивается через полчаса, давай встретимся в кафетерии напротив больницы.
Озадаченный Пол надел пиджак и вышел из кабинета. Перед лифтом он столкнулся с Артуром.
– Ты куда?
– В больницу, за женой.
– Можно мне с тобой?
– Ты заболел, Пол?
– Объясню по дороге. Скорее, какой ты медлительный!

Когда Лорэн появилась на больничной стоянке, Пол бросился к ней. Артур немного за ними понаблюдал, потом решил подойти.
– Встретимся дома, – бросила ему Лорэн. – Нам с Полом надо потолковать.
И, оставив Артура в недоумении, они исчезли за дверями кафетерия.

– Ты прочла? – спросил Пол, отпустив официантку.
– Дочитала вчера вечером.
– Понравилось?
– Очень. Я узнала многое о себе самой.
– Знаю. Наверное, я должен был попросить твоего разрешения, прежде чем все это писать.
– Во всяком случае, мог бы.
– Не бойся, никто, кроме тебя, этого не прочтет.
– Именно это я и хотела с тобой обсудить. Ты должен предложить роман какому-нибудь издательству. Уверена, тебя опубликуют.
Пол ничего не желал слышать. Во-первых, он не мог себе представить, что его рукопись способна привлечь внимание какого-либо издательства, а во-вторых – и это главное, – не мог смириться с мыслью, что написанное им станет читать чужой человек.
Лорэн использовала все мыслимые доводы, но Пол упорно стоял на своем. Уходя, Лорэн попросила разрешения поделиться секретом с Артуром, но Пол сделал вид, будто не услышал ее просьбы.
Вернувшись домой, она дала рукопись Артуру.
– Держи! – сказала она. – Сначала прочти, потом обсудим.

Настала очередь Лорэн слушать смех, потом гадать в тишине, какие чувства Артур испытывает, читая те или иные фрагменты. Через три часа она, не выдержав, пришла к нему в гостиную.

– Ну как?

– Он, конечно, вдохновлялся нашей историей. Но мне очень понравилось.

– Я посоветовала ему послать рукопись в какое-нибудь издательство, но он и слышать об этом не желает.

– Могу его понять.

С того дня молодая докторша стала одержима идеей издать сочинение Пола. Она пользовалась любым случаем, чтобы обсудить это с ним и при встрече, в каждом телефонном разговоре задавала ему один и тот же вопрос: отправил ли он свою рукопись? Пол упорно отвечал «нет» и умолял оставить его в покое.

Как-то под вечер в воскресенье на сотовый телефон Пола позвонили. Это была не Лорэн, а редактор из издательства «Саймон энд Шустер».

– Совершенно не смешно, Артур! – раздраженно рявкнул в трубку Пол.

Собеседник удивился. Он объяснил, что только что дочитал роман. Произведение ему понравилось, и он желает познакомиться с автором.

Недоразумение затянулось, Пол упрямо отшучивался. Редактор сначала смеялся, но потом ему надоел разговор в таком стиле, и он предложил Полу в понедельник прийти к нему в кабинет и убедиться, что это не розыгрыш.

Пол недоумевал:

– Как к вам попала моя рукопись?

– Мне передал ее один знакомый.

Редактор продиктовал Полу адрес и повесил трубку. Пол принялся расхаживать по квартире. Оставаться в четырех стенах он не мог, а потому прыгнул в «сааб» и помчался через весь город в Мемориальный госпиталь Сан-Франциско.

В отделении неотложной помощи он потребовал немедленной встречи с Лорэн. Дежурная медсестра заметила, что на больного он не похож. Пол окинул ее злобным взглядом: в его жизни «скорая» не всегда выполняла строго медицинские функции. Он потребовал, чтобы Лорэн явилась сию же секунду, иначе он устроит скандал. Дежурная позвала охранника. Все обошлось. Лорэн, заметив Пола, бросилась к нему:

– Что ты здесь делаешь?

– У тебя есть друг-издатель?

– Нет, – ответила она, внимательно разглядывая носки своих туфель.

– А у Артура?

– Тоже нет.

– Опять одна из ваших шуточек?

– На сей раз никаких шуток.

– Что ты натворила?

– Ничего плохого. Решение по-прежнему за тобой.

– Может, объяснишь?

– У одного моего коллеги есть друг-редактор, я передала ему рукопись, чтобы он высказал свое независимое мнение.

– Ты не имела права этого делать!

– Помнится, однажды ты тоже обошелся без моего разрешения, и, как видишь, сегодня я признательна тебе за это. Я немного ускорила ход событий, и что с того? Повторяю, решение за тобой.

– Какое решение?

– Поделиться ли тем, что ты написал, с другими людьми. Ты не Хемингуэй, но твоя история может сделать счастливее людей, которые ее прочтут. В наше время это уже неплохо. А теперь извини, у меня полно работы.

Прежде чем скрыться за дверью, она оглянулась:

– Главное – не смей меня благодарить!

– За что мне тебя благодарить?

– Сходи на встречу, Пол, не упрямься. Артуру я еще ничего не говорила.

Пол повстречался с редактором, которому понравился его роман, и не устоял перед его предложением. Всякий раз, когда редактор произносил слово «роман», Полу было трудно понять, что речь идет об истории, которая заполняла его ночные часы в ту пору, когда его жизнь была не слишком счастливой.

Спустя полгода роман напечатали. На следующий день после выхода тиража он ехал в лифте с двумя коллегами-архитекторами: те держали в руках его книгу. Они поздравили Пола, тот, ошарашенный, дождался, пока они выйдут, спустился вниз, вышел на улицу и отправился в кафе, где каждое утро завтракал. Официантка попросила его подписать книгу: она тоже успела ее купить. Пол дрожащей рукой нацарапал несколько слов, поспешно заплатил по счету, пошел домой и принялся перечитывать свой роман. С каждой перевернутой страницей он все глубже вжимался в кресло, желая в нем утонуть и больше никогда не выбираться наружу. Он излил в этом повествовании частицу себя, своего детства, мечтаний, надежд, неудач. Не отдавая себе отчета в том, что делает, не предполагая, что когда-нибудь написанное прочтут незнакомые люди. Не говоря уж о тех, с кем он общается, работает. Теперь Пол, за добродушием и раскатистым голосом которого скрывалась болезненная стеснительность, застыл, широко раскрыв глаза, бессильно уронив руки и желая только одного: по примеру своего персонажа стать невидимкой.

Ему в голову пришла мысль скупить все поступившие в продажу экземпляры книги. Он позвонил редактору с намерением сообщить о своем плане, но тот, не дав произнести ни слова, осыпал его поздравлениями: утром в «Сан-Франциско Кроникл» напечатали хвалебную статью. Конечно, у критика нашлось за что пожурить автора романа, это был честный профессионал, но в целом газета сделала книге хорошую рекламу. Пол, не дослушав, отключился и помчался к ближайшему газетному киоску. В статье говорилось об ошибках, присущих любому первому роману, и, что было для Пола еще хуже, о смелости автора: он не побоялся, что его обвинят в излишней чувствительности. В наше время торжества цинизма над умом, писал журналист, в этом нельзя не усмотреть упорство и отвагу. Полу почудилось, что он на пороге смерти. Причем не скоропостижной кончины – она стала бы для него желанным избавлением, – а медленной удушающей агонии.

Его мобильный телефон разрывался: звонили с незнакомых номеров, но он не желал отвечать. В конце концов он выдрал из телефона батарейку, чтобы пропасть с экранов назойливых радаров. Он не пошел на устроенный издательством коктейль, на работу тоже перестал ходить и просидел взаперти до конца недели. Но и дома ему не было покоя: однажды вечером разносчик пиццы подсунул ему на подпись экземпляр романа, сказав, что узнал его по фотографии, которую показывали накануне в теленовостях. После этого примерно то же самое произошло на кассе в бакалее, и Пол залег в спячку. Только Артуру, ломившемуся к нему в дверь, удалось вытащить его из берлоги. В отличие от Пола, Артур был в восторге от происходящего. Он принес другу хорошие новости.

Его сочинение своей необычностью привлекло внимание прессы. Морин, ассистентка архитектурного бюро, с любовью подготовила обзор прессы. Большинство их клиентов уже прочли книгу и звонили, чтобы поздравить автора.

Звонил даже один кинопродюсер, а также – самое сладкое Артур приберег на конец – книготорговец из «Барнс энд Нобл», куда Артур по привычке заглядывал, с сообщением, что роман разбирают как горячие пирожки. В Силиконовой долине его успех был не так велик, но если распространение останется на прежнем уровне, то роман скоро разойдется по всей стране: книготорговец был в этом совершенно уверен…

Артур затащил Пола в ресторан и, устроившись за столиком на террасе, намекнул другу, что пора бы уже побриться и вообще обратить внимание на свою внешность, перезвонить издателю, уже оставившему на рабочем телефоне два десятка сообщений, а главное, не отказываться от счастья, дарованного жизнью, и предать забвению нынешний похоронный вид.

Пол долго отмалчивался, пока не смекнул, что обморок на публике только усилит интерес к его персоне. Одна узнавшая его женщина прервала их трапезу вопросом, автобиографичен ли роман. Это окончательно добило несчастного сочинителя.

Торжественным тоном Пол сообщил Артуру, что всю неделю он размышлял и пришел в результате к решению оставить друга хозяйничать в бюро по собственному усмотрению, а самому взять отгул на год.

– Это еще зачем? – осведомился потрясенный Артур.

«Чтобы исчезнуть», – подумал Пол. Но, предвидя неизбежную лекцию о моральных обязанностях, придумал сногсшибательный предлог:

– Хочу написать второй роман, ну, хотя бы попробовать…

Что мог Артур этому противопоставить?

– Раз ты этого действительно хочешь… Помню, когда мне было плохо, я на некоторое время уехал в Париж, а ты тем временем взял на себя все наши дела. Куда ты намерен отправиться?

Пол, совершенно не знавший ответа на этот вопрос, ответил без размышлений:

– В Париж. Ты так расхваливал мне чудеса Города света, бистро, мосты, бурлящие жизнью кварталы и парижанок… Кто знает, вдруг мне повезет и обворожительная цветочница, чьи прелести ты так расписывал, до сих пор на прежнем месте?

– Не исключено, – отозвался Артур без всякого восторга. – Только на самом деле все было не так чудесно, как я рассказывал.

– Это потому, что ты тогда был не в лучшей форме. Мне просто нужно поменять обстановку, чтобы подстегнуть творческие способности… Ну, ты понимаешь.

– Ну, если только чтобы подстегнуть творческие способности… Когда думаешь ехать?

– Думаю устроить сегодня вечером ужин для вас. Приглашу Пильгеса с женой. Одним махом со всеми попрощаюсь, и уже завтра – здравствуй, Франция и красивая жизнь!

Намерение Пола чрезвычайно удручило Артура. Он мог бы возразить, что решение слишком поспешное, что для мастерской было бы лучше, чтобы он повременил несколько месяцев, а уж потом осуществлял свой план. Но дружеское чувство возобладало. Если бы подобный шанс представился самому Артуру, Пол сделал бы все, чтобы ему помочь, – он уже имел случай это доказать. Ничего, он как-нибудь справится один.

Попрощавшись с Артуром, Пол вернулся домой сам не свой от ужаса. Откуда он взял эту идею? Поселиться в Париже, да еще одному!..

Расхаживая по квартире, он старался найти доводы в пользу этой затеи, теперь представлявшейся ему идиотской и вообще невероятной. Например: чем он хуже Артура, он-то уже так делал? Второй аргумент, вытеснивший первый, касался парижанок, а третий сводился к тому, что он мог бы в конце концов засесть за второй роман, и вот его-то уж точно не стал бы печатать, вернее, напечатал бы, но только за границей. В общем, он уже мечтал, как вернется в Сан-Франциско, когда утихнет весь этот шум. Собственно, вся его аргументация резюмировалась словами: писатель, американец, холостяк… в Париже!

В Париже он прожил уже семь лет и настрочил еще пять романов. Устав от приключений с парижанками, изменчивый нрав которых так и остался для него непостижим, он выбрал холостяцкую жизнь, а может, холостяцкая жизнь выбрала его.

Следующие пять романов не имели того успеха, на который он надеялся, – во всяком случае, в Европе и Штатах они прошли почти незамеченными, зато по неведомым ему причинам пользовались огромной популярностью в Азии, особенно в Корее.

Уже несколько лет Пол состоял в любовной связи со своей корейской переводчицей. Кионг навещала его дважды в год, всякий раз не более чем на неделю. Он был увлечен ею сильнее, чем был готов признаться даже самому себе. Единственная проблема общения с ней состояла в его неумении подыскивать правильные слова.

Кионг была молчалива, а Пол ненавидел молчать. Он часто задавался вопросом, не для того ли взялся за перо, чтобы зачеркнуть безмолвие, заполнить чернилами все пробелы. Они с Кионг проводили вместе четырнадцать с половиной дней в году, считая дорогу из аэропорта и в аэропорт. Когда она прилетала, он часами ее рассматривал, не понимая, действительно ли она красива или только в его глазах. У нее было такое необычное лицо, а взгляд, когда они занимались любовью, – такой проницательный, что он уже начал побаиваться, не имеет ли дело с инопланетянкой.

Виделись они редко, но выработали свои привычки и традиции. Выбираясь в Париж, она любила бывать в кинотеатре на улице Аполлинера. Можно было подумать, что кинозал для нее важнее фильма, который там крутили. Еще она любила перейти через Сену по мосту Искусств, поесть мороженого в «Бертийоне» даже в разгар зимы. Ей нравилось читать французские газеты, пропадать в книжных лавках, гулять по Марэ и пешеходным дорожкам квартала Ле-Аль, ходить пешком вверх по улице Бельвиль, хотя куда проще было бы по ней спускаться. Нравилось в ясный денек попить чаю в саду Музея романтической жизни на улице Шапталь, осмотреть коллекцию Камондо на улице Монсо, нравилось получать в подарок от Пола цветы и по пути к нему домой составлять из них букет. Нравилось выбирать сыры на прилавке Ванно, сыровара, торговавшего плодами своего труда неподалеку от дома Пола, нравилось, когда Пол смотрел на нее и желал ее. Его книги нравились ей меньше, но они связали их прочными узами.

Когда Кионг была далеко, она занимала все его мысли – возможно, даже больше, чем когда она была рядом. Почему она была для него так неотразима, почему ему ее не хватало?

Стоило ему дописать очередной роман, как она заявлялась к нему. Не подверженная утомлению, наваливающемуся на всякого нормального человека после одиннадцатичасового перелета, она источала свежесть. Сначала был умеренный обед в одном и том же кафе «Ле Марше» на углу улиц Бретань и Шарло – неизменные яйца под майонезом, тартинка и мороженое ассорти (вероятно, он был волшебным средством, позволявшим легко пережить смену часовых поясов, и эта идея заслуживала научной проверки); затем – привычные расспросы о том, откуда родом куры, снесшие съеденные ею яйца (на случай, если кафе, не дай бог, закроется), а далее они шли в квартиру Пола. Кионг принимала душ, а затем усаживалась за его письменный стол и читала. Пол присаживался напротив, в ногах кровати, и смотрел на нее. Это было прискорбной тратой времени, потому что все время, пока читала, она сохраняла невозмутимость. Ему казалось, что от ее оценки романа будет зависеть, станет ли она с ним спать. Чем больше ее устраивало прочитанное, тем более обильными ласками она его потом одаривала. По этой причине, а также в ожидании емких комментариев своей переводчицы, которой Пол был обязан существенной частью своих доходов – ведь он зависел от своих корейских гонораров, – он предвкушал момент, когда она перейдет от интеллектуальных утех к плотским.

Он полюбил писать, полюбил жить за границей, полюбил визиты Кионг дважды в год, и даже если в остальное время, то есть почти весь год, расплачивался за такое существование одиночеством, считал новое устройство своей жизни почти безупречным.

* * *

Стеклянные двери раздвинулись, и Пол облегченно перевел дух.
Артур толкал перед собой тележку с багажом, Лорэн махала Полу изо всех сил.

4

Миа открыла глаза и потянулась. Ей потребовалось несколько минут, чтобы опомниться и определить свое положение в пространстве. Потом она встала, открыла дверь спальни и стала искать Дейзи. В квартире было пусто.

В кухне для нее был накрыт завтрак. На старой фаянсовой тарелке лежала записка: «Тебе нужно выспаться, когда сможешь, приходи ко мне в ресторан».

Миа включила электрический чайник и подошла к окну. Днем из него открывался еще более удивительный вид. Она задумалась, чем занять сегодняшний день и все последующие. Глядя на часы в панели плиты, она попыталась представить, чем занимается Дэвид, один ли он сейчас или вовсю пользуется ее отсутствием. Правильно ли она поступила, предоставив ему свободу, понадеявшись, что он по ней заскучает? Не лучше ли было бы занять территорию, попробовать снова его завоевать? Кто владеет ключами от таких загадок?

Миа не знала, чего ей хочется, зато точно знала, чего больше не хочет. Ей надоели сомнения, ожидание, молчание. Хотелось невероятных замыслов, таких, которые не позволяют сидеть сиднем, возвращают вкус к жизни, заставляют забыть, что значит просыпаться с камнем на душе.

Небо было затянуто облаками, но никакого дождя – уже хорошее начало. Вместо того чтобы бежать к Дейзи, она решила пройтись по улицам Монмартра, поторговаться в лавочках, может быть, даже заказать свой портрет одному из здешних многочисленных художников-карикатуристов. Это, конечно, вопиющий китч, зато сейчас как раз то, что ей надо. Здесь не Англия, здесь ее никто не узнает. Она стремилась воспользоваться свободой и делать все, что взбредет в голову.

Она порылась в своей дорожной сумке, соображая, что бы надеть, потом, поддавшись любопытству, стала обследовать квартиру своей лучшей подруги. Полки белых шкафов прогнулись под тяжестью книг. Она стащила сигарету из оставленной кем-то на столике пачки и задумалась, что за человек, который ее здесь забыл. Друг Дейзи, ее любовник? Мысль, что в жизни Дейзи есть мужчина, разбудила в Миа желание позвонить Дэвиду, вернуться назад, в дни перед съемками, когда ему вскружила голову актриса, игравшая эпизодическую роль; вероятно, такое и раньше случалось, но на глазах у Миа – впервые, и пережить это было нелегко. Она вышла на балкон, закурила и стала смотреть, как дотлевает ее сигарета.

Потом она уселась за письменный стол Дейзи. На нем стоял открытый ноутбук, но экран был заблокирован.

Она взяла свой мобильный телефон и стала перебрасываться с подругой сообщениями:

Какой у тебя пароль?
Мне надо проверить почту.

Ты не можешь прочитать письма на смартфоне?

За границей – нет.

Скупердяйка!

Это твой пароль?

Ты это нарочно?

Так какой?

Я работаю. Резанец.

????

Это мой пароль.

яработаюрезанец?

Резанец, кретинка!

Такой пароль никуда не годится.

Ну и ладно. Смотри не копайся в моих документах!

Это не в моих привычках.

Очень даже в твоих привычках!

Миа отложила телефон, напечатала волшебное слово, вошла в свой почтовый ящик и обнаружила там только письмо от Крестона: он спрашивал, куда она подевалась, почему не отвечает на звонки. Один модный журнал изъявил желание сделать о ней репортаж, и ему прочно потребовалось ее согласие.

Она написала:

«Дорогой Крестон,

я уехала на некоторое время и полагаюсь на вашу порядочность: никому про это не говорите, «никому» – значит, «ни единой душе». Чтобы выучить роль, которую вы заставляете меня исполнять, мне нужно побыть одной, без указаний режиссера, без фотографов, без ваших ассистенток, без вас самого. Два года я была лишена такой роскоши, как право на неповиновение. Для журнала мод я позировать не стану, нет желания. Среди решений, которые я приняла вчера вечером в поезде «Евростар», самое первое гласило: перестать подчиняться. Мне нужно доказать себе самой, что я на это способна. Мне потребуется как минимум несколько дней. В Париже хорошая погода, я буду гулять… Скоро я дам вам о себе знать. Не беспокойтесь, ни в коем случае не буду афишировать свое присутствие.

Всего хорошего,

Миа».

Она перечитала написанное и нажала на «отправить».

Заинтересовавшись мигающей стрелкой вверху экрана, она кликнула по ней и вытаращила глаза: открылась домашняя страница сайта знакомств.

Она дала Дейзи слово не копаться в ее компьютере, но сейчас решила, что обещание это слишком опрометчиво, к тому же Дейзи все равно ничего не узнает.

Она исследовала профили мужчин, отобранных подругой, похихикала, прочтя некоторые сообщения, обратила внимание на парочку интересных субъектов. Когда в квартиру заглянуло солнце, она решила, что пора покинуть волнующий виртуальный мир и окунуться в реальный,

поджидавший ее снаружи. Она выключила компьютер и накинула висевшее на вешалке у входа легкое пальто.

Выйдя на улицу, она поднялась к площади Тертр, постояла перед картинной галереей, потом побрела дальше. На нее обратила внимание парочка туристов, женщина показала на нее пальцем и сказала мужу (Миа поневоле услышала ее слова): «Уверяю тебя, это она! Можешь сам подойти и спросить».

Миа ускорила шаг и зашла в первое же кафе. Пара застряла у витрины. Миа присела к стойке и заказала стакан воды, не отрывая взгляда от зеркала за спиной у бармена, в котором отражалась улица. Дождавшись, пока назойливая пара уберется, она заплатила и вышла на улицу.

Добравшись до площади Тертр, она стала наблюдать за работой художников. Через несколько минут к ней подошел молодой человек в джинсах и куртке, с приятной внешностью и добродушной улыбкой.

– Вы ведь Мелисса Барлоу? Я смотрел все ваши фильмы! – похвастался он на прекрасном английском.

Мелисса Барлоу был экранный псевдоним Миа Гринберг.

– Вы снимаетесь в Париже или приехали отдохнуть? – не отставал он.

Миа улыбнулась.

– Я нахожусь не здесь, а в Лондоне. Вы решили, что узнали меня, но это не я, а просто похожая на меня женщина.

– Прошу прощения? – озадаченно спросил он.

– Это я прошу вас меня простить. Наверное, мои слова показались вам бессмыслицей, а вот мне – наоборот. Не сердитесь, если я вас разочаровала.

– Как Мелисса Барлоу может меня разочаровать, раз она сейчас в Англии?

Молодой человек вежливо простился, отошел на несколько шагов, потом оглянулся.

– Если вам вдруг повезет столкнуться с ней на лондонской улице – мир ведь так тесен! – не забудьте передать ей от меня, что она потрясающая актриса.

– Я так и сделаю. Уверена, это доставит ей удовольствие. – Миа проводила его взглядом. – До свидания! – прошептала она.

Она нашла в сумке темные очки, еще немного прошлась и наткнулась на парикмахерскую. То, что Крестон устроит ей выволочку, не вызывало никакого сомнения, и это только укрепило ее в намерении осуществить задуманное. Она толкнула дверь, уселась в кресло и час спустя вышла на улицу коротко стриженной брюнеткой.

Желая испытать, сработает ли ее уловка, она уселась на ступеньки под собором Сакре-Кёр и стала ждать. Когда у паперти затормозил автобус с британскими номерами, Миа смешалась с вывалившими из него пассажирами и спросила, который час, у гида, смело представ перед всей группой. Из шести десятков англичан ни один ее не узнал. Она благословила свою прическу, подарившую ей новый облик. Наконец-то она превратилась в простую англичанку, наведавшуюся в Париж, в женщину без имени.

* * *

Пол дважды объехал квартал и в конце концов затормозил во втором ряду. Обернувшись к своим пассажирам, он широко улыбнулся.

– Чувствуете себя не в своей тарелке?

– А разве может быть по-другому при твоей манере вождения? – буркнул Артур.

– Ты уже видела Артура до того вечера, когда я из-за него два часа просидел скрючившись под операционным столом? – спросил Пол у Лорэн.

– Раз двадцать, – ответил за нее Артур. – А что?

– Ничего. Держите ключи. Вам на верхний этаж. Заносите свои чемоданы, я тем временем отгоню машину в гараж.

Лорэн и Артур распаковывали вещи в отведенной им комнате.

– Жаль, что вы не привезли Джо, – сказал со вздохом Пол, входя.

– Для ребенка его возраста это слишком дальнее путешествие, – объяснила Лорэн. – Он у своей крестной. Думаю, ему там нравится.

– У крестного ему понравилось бы еще больше.

– Мы мечтаем об отпуске вдвоем, – вмешался Артур.

– Возможно, только вы влюблены друг в друга уже давно, а я своего крестника вижу нечасто.

– Возвращайся в Сан-Франциско, будешь с ним видеться хоть каждый день.

– Хотите заморить червячка? Куда я задевал пирог?.. – Бормоча себе под нос, Пол обшаривал кухонные полки. – Не приснилось же мне, что я купил пирог?

Лорэн и Артур понимающе переглянулись.

Он напоил их кофе и изложил составленную им программу.

Погода стояла ясная, поэтому первый день предполагалось посвятить осмотру таких культовых парижских объектов, как Эйфелева башня, Триумфальная арка, остров Ситэ, Сакре-Кёр. В случае, если на все это не хватит времени, предполагалось продолжить экскурсию на следующий день.

– Как двое влюбленных… – напомнил Артур.

– Разумеется, – ответил Пол с некоторым смущением.

Лорэн перед подобным марафоном требовалось немного отдохнуть. У двух приятелей накопилось много тем для беседы, поэтому она предложила им пообедать без нее.

Пол решил пригласить Артура в кафе неподалеку от дома: в полдень его терраса была залита солнцем. Артур надел свежую рубашку и последовал за другом.

Усевшись, они некоторое время молча переглядывались, выжидая, кто заговорит первым.

– Ты здесь счастлив? – не вытерпел Артур.

– Да. Думаю, да.

– Думаешь?..

– Разве можно быть уверенным в своем счастье?

– Понимаю, это писательская фраза, но вопросы здесь задаю я.

– Какого ответа ты ждешь?

– Честного.

– Я люблю свое ремесло, даже если иногда ощущаю себя самозванцем. Ты же знаешь, я накропал всего шесть романов. Похоже, такое чувство посещает многих писателей, во всяком случае, в этом признаются многие мои коллеги.

– Ты часто с ними общаешься?

– Я записался в клуб сочинителей неподалеку отсюда и хожу туда раз в неделю. Мы болтаем о пустяках, обсуждаем, почему случаются застои в работе. Вечер завершается в пивном ресторане. Странно, я слушаю свой рассказ как бы со стороны, и он кажется мне мрачным.

– Не стану тебя разубеждать.

– А ты как поживаешь? Наше бюро процветает?

– Мы говорили о тебе.

– Я пишу: это мое единственное занятие. Иногда участвую в книжных салонах, иногда подписываю экземпляры своих книг в книжных магазинах. В прошлом году побывал в Германии и в Италии, там тоже понемногу продаются мои книги. Дважды в неделю посещаю спорт-

зал. Терпеть это не могу, но при таком питании, как у меня, без спорта не обойтись. А так – пишу, но это я уже, кажется, говорил?

– До чего все это весело! – отозвался Артур ироничным тоном.

– Это ты брось! Счастье приходит по ночам: я встречаюсь со своими персонажами, и жизнь наполняется радостью.

– У тебя кто-то есть?

– И да и нет. Она бывает здесь нечасто, если уж на то пошло, но я постоянно о ней думаю. Тебе такое знакомо, верно?

– Кто она такая?

– Моя корейская переводчица. Ты удивлен? – воскликнул Пол, неубедительно изображая оживление. – Представь, в Корее я, похоже, пользуюсь популярностью! Никогда там не бывал, сам знаешь, я боюсь самолетов: до сих пор не отошел от перелета сюда.

– Это было семь лет назад!

– А кажется, будто вчера: одиннадцать часов турбулентности! Мука мученическая!

– Рано или поздно тебе придется отсюда улететь.

– Не факт, я уже обзавелся видом на жительство. А есть еще такой вариант, как корабль.

– А что твоя переводчица?

– Она потрясающая женщина, хотя я до сих пор ее толком не знаю. Год за годом я все сильнее к ней привязываюсь. Отношения на расстоянии – непростая штука.

– Мне кажется, ты очень одинок, Пол.

– Не ты ли заявил мне однажды, что одиночество – разновидность компании? И вообще, хватит обо мне! Давай лучше о вас. Покажи мне фотографии Джо. Он уже, наверное, совсем большой?

За соседний столик села очаровательная женщина. Пол не обратил на нее никакого внимания, чем насторожил Артура.

– Не смотри на меня так, – сказал ему Пол. – Интрижек я пережил больше, чем ты можешь себе представить, и потом, у меня есть Кионг. С ней все становится по-другому: у меня появляется чувство, будто я превращаюсь в самого себя, перестаю играть чужую роль, больше не обязан нравиться. Она изучает меня по моим книгам, и это, конечно, чересчур: как я подозреваю, они ей не нравятся.

– Никто же ее не заставляет их переводить!

– Она, похоже, немного переигрывает, чтобы меня раздразнить и заставить двигаться вперед.

– Пока суд да дело, ты живешь один.

– Не думай, что мне делать больше нечего, кроме как тебя цитировать, но не ты ли говорил: можно кого-то любить и оставаться одиноким?

– Согласись, у меня ситуация довольно необычная.

– У меня тоже.

– Ты у нас писатель, ты должен составить список того, что делает тебя счастливым.

– Да счастлив я, черт возьми!

– То-то я погляжу…

– Брось, Артур, не начинай подвергать меня психоанализу, терпеть этого не могу. К тому же ты ничего не знаешь о моей жизни.

– Мы с тобой знакомы с детства, мне не нужны подробные объяснения, чтобы догадаться, как тебе живется. Помнишь, что говорила моя мама?

– Она много чего говорила. Кстати, я был бы не прочь перенести место действия моего следующего романа в дом в Кармеле. Давненько я туда не наведывался…

– Кто в этом виноват?

– Знаешь, по чему я скучаю? – продолжал Пол. – По нашим прогулкам по Жирарделли-сквер и к Форту, по нашим вечерам и перебранкам в мастерской, по нашим планам на будущее, по нашим спорам, в которых мы никогда не могли прийти к согласию…

– Я виделся с Онегой.

– Она спрашивала обо мне?

– Да. Я рассказал, что ты теперь парижанин.

– Она по-прежнему замужем?

– Не заметил у нее на руке обручального кольца.

– Напрасно она меня бросила… Знаешь, – добавил Пол с улыбкой, – наша дружба вызывала у нее ревность!

* * *

Миа прошлась среди карикатуристов на площади Тертр и выбрала самого симпатичного, можно сказать, красавца в холщовых штанах, белой рубашке и твидовом пиджаке. Она плюхнулась в раскладное кресло перед ним и попросила сделать изображение как можно ближе к оригиналу.

– «Единственная истинная любовь – это самолюбие», как говорил Саша Гитри, – хриплым голосом произнес художник.

– Как же он прав!

– Несчастная любовь?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что вы одна и только что вышли от парикмахера. Как говорится, новая прическа – новая жизнь.

Миа озадаченно уставилась на него.

– Вы изъясняетесь одними цитатами?

– Я рисую портреты уже четверть века и научился читать по лицам. Вы милы и привлекательны, но вам бы не помешало немного веселья. Ладно, довольно болтать. Если вы хотите, чтобы мой карандаш точно передал сходство, сидите смирно.

Миа выпрямилась.

– В Париж развеяться? – спросил карикатурист, готовя уголек.

– И да и нет. Проведу несколько дней у подруги, она держит ресторанчик здесь неподалеку.

– Наверняка я ее знаю, Монмартр – как деревня.

– «Кламада».

– Так ваша подруга – та малютка из Прованса! Трудолюбивая девушка. Готовит изобретательно, кормит недорого. Не то что другие, которым только и надо, что заманить туристов. Иногда я у нее обедаю. Она особа с характером!

Глядя на руки художника, Миа заметила обручальное кольцо.

– Вам случалось желать другую женщину, кроме жены?

– Наверное. Так, мимолетный взгляд, только чтобы лишний раз убедиться, насколько я любил свою.

– Вы не вместе?

– Почему? Вместе.

– Тогда почему в прошедшем времени?

– Хватит разглагольствовать, я как раз рисую ваши губы.

Миа решила не мешать мастеру. Сеанс затянулся дольше, чем она предполагала. Когда портрет был готов, он предложил ей взглянуть на мольберт. Увидев на нем чужое лицо, Миа улыбнулась.

– Я действительно такая?

– Сегодня – да! – отчеканил художник. – Надеюсь, скоро вы заулыбаетесь так, как на моем рисунке.

Он вынул из кармана телефон, сфотографировал ее и сравнил фотографию с портретом.

– Неплохо! – похвалила его Миа. – Вы можете нарисовать портрет по такому фото?

– Думаю, да, если фотография четкая.

– Я принесу вам фотографию Дейзи. Уверена, она будет счастлива получить свой портрет, вы отличный рисовальщик!

Карикатурист наклонился и стал рыться в прислоненных к мольберту папках. Вытянув из одной широкий лист, протянул его Миа.

– Ваша подруга-рестораторша – само очарование, – сказал он. – Она каждое утро проходит мимо меня. Это подарок.

Миа залюбовалась лицом Дейзи. Это была не карикатура, а настоящий портрет, передававший ее облик и настроение.

– Взамен оставляю вам свой, – сказала Миа и простилась с художником.

* * *

Пол вел экскурсию в ускоренном темпе. С неподражаемой самоуверенностью он проигнорировал очередь, растянувшуюся у подножия Эйфелевой башни, сэкономив добрый час. На верхнем этаже у него закружилась голова, он вцепился в ограду и не стал приближаться к краю площадки, поклявшись, что уже знает эти виды наизусть, и предоставив Артуру и Лорэн наслаждаться ими вдвоем. Он спускался в лифте, зажмурив глаза, после чего обрел прежнее достоинство и повез друзей в сад Тюильри.

При виде детишек на карусели Лорэн почувствовала неукротимое желание позвонить Наталье и услышать голос сына. Плюхнувшись на скамейку, она поманила к себе Артура. Пол воспользовался передышкой и отлучился за сладостями. Пока Артур болтал с Джо, Лорэн наблюдала за Полом. Потом, не сводя с него глаз, она отняла у мужа трубку и засыпала сынишку словами любви, пообещала привезти ему подарок из Парижа и огорчилась, поняв, что ему только это и нужно. С крестной ему было очень весело.

Она посылала сыну поцелуи, прижимая телефон к уху, когда вернулся Пол, с трудом удерживая в одной руке три порции сахарной ваты.

– Ну, как он тебе? – спросила Лорэн шепотом.

– К кому ты обращаешься, ко мне или к Джо? – пробурчал Артур.

– Джо уже нажал отбой.

– Тогда зачем ты делаешь вид, будто продолжаешь телефонный разговор?

– Чтобы Пол не спешил возвращаться.

– По-моему, он счастлив, – ответил Артур.

– Лгун из тебя никудышный.

– Надеюсь, это не упрек?

– Нет, констатация факта. Ты заметил, что он беспрерывно бормочет?

– Это от одиночества, в котором он не желает сознаваться.

– У него никого нет?

– Я прожил в Париже холостяком четыре года.

– Ты же был влюблен в меня. Кстати, ты не забыл свое увлечение красавицей цветочницей?

– Он, между прочим, тоже влюблен. В кореянку, живущую в Корее. Думает поселиться вместе с ней. Его книги якобы пользуются там огромным успехом.

– В Корее?

– Да. Но я думаю, что это неправда и что это дурацкая идея.

– Почему? А вдруг он по-настоящему любит эту женщину?

– У меня впечатление, что она не любит его так, как он ее. Он панически боится летать, так что если все-таки отправится туда, то уже вряд ли вернется. Ты представляешь, как он будет жить в одиночестве там, в Корее? Париж и так достаточно далеко от Сан-Франциско.

– Ты не имеешь права ему мешать, если он этого действительно хочет.

– Зато имею право попытаться его переубедить.

– Мы случайно не о двух разных Полах говорим?

Пол, которому стало скучно одному, вернулся к ним решительным шагом.

– Можно мне поговорить с крестником?

– Он только что повесил трубку, – смущенно ответила Лорэн и, убрав телефон, попробовала отвлечь его лучезарной улыбкой.

– У вас что, опять какой-то заговор?

– Ничего подобного! – возмутился Артур.

– Не волнуйтесь, я не намерен все время вам досаждать. У меня другой план: получить удовольствие от вашей компании и быстро от вас отстать.

– Вот и мы хотим побыть в твоей компании, иначе зачем было приезжать в Париж?

Пол задумался: Лорэн рассудила здраво.

– А я заподозрил, что вы затеваете какую-то гадость. Так о чем вы болтали?

– Про один ресторанчик, куда мне бы хотелось повести вас обоих сегодня вечером, – ответил Артур. – Я был его завсегдатаем, когда жил в Париже. Но только на том условии, что ты дашь нам отдохнуть, а то уже осточертело изображать туристов.

Пол принял приглашение, и трое друзей зашагали в сторону улицы Риволи по аллее Кастильоне.

– Чуть подальше есть остановка такси, – сказал Пол, ступая на «зебру».

На светофоре зажегся зеленый сигнал, и Артурт с Лорэн не успели догнать Пола. Их разделил поток машин. Внимание Лорэн привлек рекламный слоган на борту остановившегося напротив автобуса: «В этом автобусе вы можете встретить женщину своей мечты, если только она не ездит в метро». Это была реклама интернет-сайта знакомств. Лорэн пихнула Артура локтем, и они проводили глазами автобус, после чего переглянулись.

– Ты о том же подумала? – чуть слышно спросил Артур.

– Не шепчи, вряд ли он нас услышит на другой стороне улицы.

– Чтобы он бродил по таким сайтам? Никогда!

– Кто говорит, что он сам должен это делать? – усмехнулась Лорэн. – Когда судьбу надо слегка подтолкнуть, друзья должны об этом позаботиться… Это ничего тебе не напоминает?

И она побежала по переходу, не дожидаясь Артура.

* * *

Миа надела очки в черепаховой оправе, купленные днем у антиквара. Через их толстые стекла она мало что могла разглядеть.

Она толкнула дверь ресторана. Зал был набит битком. Через широкое окно в стене клиенты, облепившие столики, могли наблюдать, как Дейзи заправляет на своей кухне. Ее повар не знал покоя. Дейзи разнесла полные тарелки, исчезла, снова появилась и направилась к столику на четверых. Приняв заказы, она удрала, задев на бегу Миа, но впопыхах не обратив на нее внимания. На пороге кухни она спохватилась и вернулась.

– Мне очень жаль, но у нас не осталось свободных мест, – сообщила она.

Миа, окосевшая в своих темных очках, проговорила настойчиво, изменив голос:

– Совсем ни одного местечка? Я могу подождать.

Дейзи с раздосадованным видом оглядела зал.

– Вон те клиенты уже попросили счет, но, судя по всему, они увлечены разговором… Вы одна? Может, вас пока устроит табурет у стойки?

Она указала на место у бара. Миа кивнула и вскарабкалась на табурет.

Ей пришлось ждать несколько минут. Наконец Дейзи вышла из кухни, зашла за стойку, положила перед Миа салфетку и приборы и отвернулась, чтобы взять бокал. Потом, подав меню, сообщила, что кончились гребешки и вообще почти все…

– Как жаль, я специально приехала из Лондона полакомиться вашими гребешками.

Дейзи пригляделась к разочарованной посетительнице и всплеснула руками.

– Ну ты и свинья! – воскликнула она. – Хорошо, что у меня ничего не было в руках, а то бы я все выронила и разбила! Больная на всю голову!

– Ты меня не узнала?

– Я на тебя толком и не смотрела. Что это ты выдумала?

– Не нравится?

– У меня нет времени, моя официантка взяла и уволилась, так что мне не до шуток. Если ты голодна, я тебя накормлю, а если сыта, то…

– Может, тебе помочь?

– Мелисса Барлоу в роли официантки? Час от часу не легче!

– Просто Миа. И пожалуйста, не ори!

Дейзи оглядела ее с головы до ног.

– Ты хоть сможешь удержать в руках тарелку?

– Мне доводилось играть официанток. Ты же знаешь, какая я перфекционистка. Я перед съемками долго тренировалась.

Дейзи колебалась. Звонок с кухни заставил ее поторопиться: клиенты нервничали, и она нуждалась в подкреплении.

– Сними свои дурацкие очки и ступай за мной!

Миа побежала за ней на кухню. Дейзи сунула ей фартук и указала на шесть тарелок под нагревательными лампами.

– Эти – на восьмой!

– Восьмой? – переспросила Миа.

– Столик справа от входа, за ним громкоголосый тип, будь с ним любезна, он постоянный клиент.

– Постоянный клиент… – повторила Миа, хватая тарелки.

– Для начала – не больше четырех штук сразу, пожалуйста!

– Так точно! – отозвалась Миа, хватая тарелки.

Отнеся первые четыре, она вернулась за остальными.

Дейзи избавилась от необходимости разносить заказы, и на ее кухне вновь установился привычный ритм. Когда было готово очередное блюдо, звенел звонок и наступала очередь Миа. В промежутках она уносила грязные тарелки, принимала оплату и возвращалась за инструкциями. Дейзи насмешливо наблюдала за ней.

К одиннадцати часам вечера ресторан начал пустеть.

– Полтора евро чаевых – вот и все, что мне оставил твой постоянный клиент!

– Я не говорила, что он щедрый.

– А потом еще уставился на меня, ожидая благодарности!

– Надеюсь, ты его не разочаровала?

– Еще чего!

– Любопытно, когда тебя посетила нелепая мысль изменить внешность?

– Как только я узнала, что ты осталась без официантки. Значит, тебе не нравится…

– Это уже не ты, мне нужно привыкнуть.

– Ты давно не смотрела мои фильмы: я иногда выглядела еще хуже, чем сейчас.

– Мне приходится слишком много работать, так что не до кино, не сердись. Отнеси, пожалуйста, эти десерты. Мне не терпится закрыть лавочку и завалиться спать.

Миа безупречно доиграла свою роль, получив высокую оценку от своей подруги, прежде не верившей, что она способна на такие подвиги.

Последние посетители разошлись в полночь. Дейзи и ее повар навели порядок на кухне, Миа – в зале. После этого, опустив решетку на окне, они пошли по улицам Монмартра.

– И так каждый день? – спросила Миа.

– Шесть дней в неделю. Это очень утомительно, но я все равно не поменяла бы свое занятие ни на какое другое. Мне повезло, я нашла себя, хотя в последние дни месяца страшно выбиваюсь из сил.

– Народу полным-полно!

– Вечер удался.

– Что ты делаешь по воскресеньям?

– Отсыпаюсь.

– А как же личная жизнь?

– Где мне найти для нее место? Между моей холодной спальней и кухней не остается даже щелочки.

– Так ни с кем и не встречалась с тех пор, как открыла ресторан?

– Мужчины бывали, но не один не выдержал моего расписания. Вот ты живешь с человеком, занимающимся тем же, чем и ты. Кто бы стал терпеть твое отсутствие, когда ты уезжаешь на съемки?

– Можно сказать, с этим мужчиной я уже не живу.

Их шаги гулко разносились по безлюдной улице.

– Как бы нам обеим не превратиться в старых дев, – вздохнула Дейзи.

– Говори за себя, мне это не грозит.

– Шлюха!

– Если бы…

– И что мешает?

– А тебе что мешает? Между прочим, где ты берешь своих мужчин? Это клиенты ресторана?

– Никогда не смешиваю работу и любовь, – ответила Дейзи. – Только раз такое случилось. Он приходил часто, даже очень, пока до меня не дошло, что его привлекает не только моя кухня.

– И как он? – заинтересовалась Миа.

– Неплох, очень даже неплох!

Подойдя к своему дому, Дейзи набрала на двери код, включила свет и стала подниматься по лестнице.

– Неплох – это как?

– Обаятельный.

– А еще?

– Что ты хочешь узнать?

– Все! Как он тебя соблазнил, о вашей первой ночи, как долго длился ваш роман и чем завершился.

– Тогда дождись, пока мы вскарабкаемся на последний этаж.

Дейзи вползла в квартиру и упала на диван.

– Я совсем обессилела! Не заваришь чай? Похоже, это единственное, ради чего англичан стоит пускать на кухню.

Миа отдала подруге честь, налила в чайник воды и стала ждать, пока Дейзи выполнит свое обещание.

– Дело было в конце июля прошлого года, вечером. Ресторан был почти пуст, я уже собиралась выключить плиты, и тут входит он. Я заколебалась. Ничего не поделать, профессиональный долг пересилил. Повара и официантку я отпустила: с одним клиентом разобраться не проблема. Подаю ему меню, а он хватает меня за руку и просит выбрать, что мне самой нравится, и он очень признателен мне за то, что я ради него задержалась. Ну а я, кретинка, купилась…

– Почему кретинка?

– Пока он ел, я сидела напротив него и тоже что-то клевала. Странный он был, такой задорный! Решил помочь мне убрать со стола. Забавно же! Я не возражала. Мы закрыли ресторан, и он предложил выпить по стаканчику. Я согласилась. Мы сели на террасе какого-то кафе и давай обсуждать проблемы мироздания. Он оказался знатоком высокой кухни, причем самым настоящим. Признаться, я поверила в чудо. Он проводил меня до дома и не рвался подняться наверх, на прощанье мы скромно поцеловались. В общем, я повстречала само совершенство. Мы больше не расставались, он приходил под конец рабочего дня, помогал мне закрыть ресторан. Я проводила с ним воскресные дни. Так продолжалось до конца лета, пока он не заявил, что больше встречаться со мной не может.

– Почему?

– Потом что вернулись после каникул его жена с детьми. Буду тебе признательна, если ты воздержишься от комментариев. А теперь – в ванную и спать. – С этими словами Дейзи закрыла за собой дверь спальни.

* * *

Выйдя из «Ами Луи», Лорэн восторженно застыла перед старыми фасадами улицы Вербуа.

– На тебя подействовала прелесть Парижа? – осведомился Пол.

– Трапеза в духе Гаргантюа, которой мы только что наслаждались, подействовала без всякого сомнения, – ответила она.

Они вернулись домой на такси. Пол пожелал друзьям спокойной ночи и поспешил запереться у себя в кабинете: ему не терпелось сесть за работу.

Лорэн улеглась в постель со своим «Макинтошем». Артур вышел из ванной спустя десять минут и тоже юркнул под одеяло.

– Проверяешь почту в такой поздний час? – удивился он.

Она положила компьютер на колени. Пока крайне изумленный Артур разбирался в том, что она затеяла, она весело смеялась. Он поневоле вновь перечитал первые строчки, написанные Лорэн: «Романист, холост, эпикуреец, часто работающий по ночам, любящий юмор, жизнь и азарт…»

– Боюсь, сегодня вечером ты перебрала вина.

Прежде чем закрыть компьютер, он случайно нажал на клавишу регистрации Пола на сайте знакомств.

– Он никогда нам не простит, что мы сыграли с ним такую шутку!

– Ну так беги к нему, кайся, потому что у меня есть подозрение, что этот сигнал…

Артур судорожно откинул крышку компьютера, напуганный своей оплошностью.

– Без паники! Доступ к этому аккаунту есть только у нас. И вообще, мне очень хочется перевернуть вверх дном его скучное будничное существование.

– Я бы так не рисковал, – отозвался Артур.

– Ты забыл, как он рисковал ради нас? – спросила она, гася свет.

Артур долго лежал в темноте с открытыми глазами. На него нахлынули воспоминания об их безумных приключениях, часто на грани фола. Пол ради него готов был даже попасть в тюрьму. Своим нынешним счастьем Артур был обязан бесстрашию друга.

Париж напоминал ему о тоскливых временах, о годах невыносимого одиночества. Теперь пришла очередь Пола пожить в одиночестве; Артур знал на собственном опыте, каково это. Но разве нет других способов спасти Пола от этого скучного житья, кроме как заманить его на сайт знакомств?

– Спи, – прошептала Лорэн. – Посмотрим, вдруг произойдет что-нибудь интересное?

* * *

Она вертелась на постели, не в силах уснуть, прокручивала в голове последние недели и не находила ничего радостного. Прошедший день оказался самым приятным за долгое время, хотя ее и мучила тоска.

Измученная бессонницей, она оделась и бесшумно выскользнула из квартиры.

Мостовые и тротуары были мокрыми: только что прошел частый моросящий дождь. Она поднялась по темным улицам на Холм и вышла на площадь Тертр. Знакомый карикатурист еще только складывал свой мольберт. Он поднял голову и увидел, что она садится на скамейку.

– Не спится? – спросил он, опускаясь с ней рядом.

– Нет, никак! – призналась она.

– Мне это знакомо, никогда не могу сомкнуть глаз раньше двух ночи.

– Жена послушно ждет вас до поздней ночи?

– Надеюсь, что она меня ждет, вот и все, – ответил он хрипло, как всегда.

– Не понимаю…

– Вы отдали подруге ее портрет?

– Пока не было возможности. Завтра непременно это сделаю.

– Можно попросить вас об одолжении? Не говорите ей, что это мой подарок. Мне нравится у нее обедать, но я почему-то смущаюсь при мысли, что она узнает…

– Почему все-таки?

– Нарисовать человека, когда он об этом не просит, – в какой-то степени вторжение в его личную жизнь.

– Тем не менее вы на это пошли.

– Мне нравится смотреть по утрам, как она идет мимо. Однажды захотелось запечатлеть лицо, которое так поднимает настроение.

– Если я положу голову вам на плечо, вы не поймете это превратно?

– Валяйте, мое плечо никому ничего не скажет.

И они залюбовались луной, выплывшей из облаков в парижское небо.

В два часа художник кашлянул.

– Я не спала! – встрепенулась Миа.

– Как и я.

Миа выпрямилась.

– Не пора ли прощаться? – спросила она.

– Доброй ночи, – произнес художник, вставая со скамейки.

Они расстались посреди площади Тертр.

5

Дейзи любила прогулки по тихим улицам в час, когда солнце только выглядывает из-за горизонта. Мостовая пахла утренней свежестью. Остановившись на площади Тертр, она посмотрела на пустую скамейку, покачала головой и побрела дальше.

Миа проснулась часом позже, сделала себе чай и постояла у окна. Потом, прихлебывая чай, подсела к компьютеру подруги, не сумев справиться с любопытством.

Первый глоток. Она открыла свой почтовый ящик и просмотрела, не читая самих писем, имена тех, кто взывал к ее профессиональному долгу. Второй глоток. Не найдя того, что искала, она закрыла ноутбук.

Третий глоток. Она повернула голову к окну и вспомнила свою ночную прогулку.

Четвертый глоток. Она опять открыла компьютер, а в нем – главную страницу сайта знакомств.

Пятый глоток. Миа внимательно прочла инструкции по созданию профиля.

Шестой глоток. Она отставила чашку и принялась за дело.

Создание профиля

Готовы ли вы вступить в отношения?

Именно этого и хочу, совершенно не хочу, как получится.

Да, как получится.

Ваше семейное положение: не замужем, разошлась, разведена, вдова, замужем.

Разошлась.

Есть ли у вас дети?

Нет.

Ваши качества: внимательная, отважная, спокойная, покладистая, смешная, требовательная, гордая, великодушная, сдержанная, чувствительная, общительная, порывистая, робкая, надежная, другое.

Все вместе.

Выберите что-то одно.

Покладистая.

Цвет глаз.

Мы бы с удовольствием подобрали то, что вам нужно для счастья, но с таким цветом глаз ничего у вас не выйдет.

Мне лучше всего подойдет ответ: «Слепая».

Ваша фигура: нормальная, спортивная, худощавая, несколько лишних килограммов, округлая, коренастая.

Прямо как на рынке домашнего скота! Нормальная.

Ваш рост?

В сантиметрах – понятия не имею. Скажем, 175 см, выше – уже жираф.

Национальность.

Англичанка: не лучший выбор, после Ватерлоо французы нас недолюбливают. Американка: по части американцев у них куча предрассудков. Македонка: нечто невразумительное. Мексиканка: я не говорю по-испански. Микронезийка: звучит красиво, но я понятия не имею, где находится Микронезия. Молдаванка: очень сексуально, но это, пожалуй, будет чересчур. Уроженка Мозамбика: экзотично, но вид у меня сейчас неподходящий. Ирландка: мать меня убьет, если узнает. Исландка: решат, что я день-деньской распеваю песни Бьорк. Латышка: уже лучше, но у меня не будет времени подучить латышский, придется изображать акцент и изъясняться на выдуманном языке, это смешно, но не опасно, вероятность столкнуться с настоящим латышом ничтожно мала. Тайка: не мечтайте. Новозеландка: с моим выговором это может получиться!

Ваша этническая принадлежность.

Мало им было Второй мировой войны? Что еще за вопрос?

Ваши представления и ценности: религия.

Выходит, представления и ценности выражает только религия? Агностик – пусть заглянут в словарь!

Ваше отношение к браку?

Неопределенное!

Вы хотите детей?

Я бы предпочла встретить мужчину, который захотел бы ребенка от меня, а не ребенка в принципе.

Ваше образование?

С этим непросто… Придется наврать: бакалавр +5…[1] *Нет, так я нарвусь на суперумных, они уморят меня скучными разговорами. Лучше бакалавр +2, середнячок.*

Ваша профессия?

Актриса, но лучше не играть с огнем. Агент по недвижимости – не годится, турагент – тоже нет, работаю в больнице – еще хуже, служу в армии – мимо, массажистка – станут клянчить, чтобы провела сеанс, музыкант – у меня со слухом неважно, ресторатор… как Дейзи, отличная мысль!

Опишите то, чем вы занимаетесь.

Готовлю…

Слишком самоуверенно, притом что я даже омлет делать не умею. Но мы же здесь ради забавы.

Занятия спортом: плавание, прогулки, бег трусцой, бильярд, дротики…

[1] То есть 5 лет в вузе после получения аттестата.

Разве дротики – спорт?

…йога, спортивные единоборства, гольф, парусный спорт, боулинг, футбол, бокс…

Неужели есть женщины, отвечающие: «Бокс»?

Вы курите?

Иногда. Лучше быть искренней, а то еще нарвешься на радикального борца с курением.

Ваши любимые животные?

Мой будущий бывший муж.

Ваши интересы: музыка, спорт, кухня, шопинг…

Шопинг – слишком заумно. Поделки – если бы я выбрала бокс, было бы в самый раз. Танцы – тогда они вообразят девушку с фигурой балерины, не будем их разочаровывать. Писательство – совсем неплохо, а еще лучше чтение. Кино – только не это, не хватало нарваться на фаната кино. Выставки, музеи – смотря какие… Животные – не хотелось бы торчать в выходные в зоопарке. Видеоигры, охота и рыбалка, творческий досуг – понятия не имею, с чем это едят…

Где любите бывать?

В кино… Да, то есть нет.

Любите ли вы рестораны?

Да.

Дружеские вечеринки.

Когда-нибудь.

Родственники.

Как можно реже.

Бар/паб.

Всегда пожалуйста.

Дискотека.

А вот это нет.

Спортивные события.

Ни в коем случае.

Ваши вкусы в музыке и в кинематографе.

Это придумал инквизитор!

Чего вы ищете в мужчине

Его рост и фигура: нормальная, спортивная, худощавая, несколько лишних килограммов.

Плевать мне на фигуру!

Его семейное положение: не женат, вдовец, холостяк.
И одно, и другое, и третье.

Наличие у него детей.
Это его дело.

Он хочет детей.
Времени достаточно.

Его личные качества.
Ну наконец-то!
Внимательный, отважный, спокойный, покладистый, смешной, щедрый, сдержанный, благоразумный, чувствительный, непосредственный, надежный.
Все сразу!

Опишите себя
Миа зависла над клавиатурой, неспособная напечатать ни единого слова. Вернулась на главную страницу, ввела пароль Дейзи и прочла ее профиль.
Молодая женщина, любящая жить и смеяться, но с напряженным рабочим графиком, шеф-повар, страстно любящая свое ремесло…

Она скопировала профиль подруги, вставила его в свой аккаунт и нажала «сохранить».

Когда Дейзи отперла дверь квартиры, Миа резко захлопнула крышку компьютера и соскочила с кресла.

– Что ты делала?

– Ничего, читала свою почту. Где ты была в такую рань?

– Уже девять, я прошлась по рынку. Одевайся, поможешь мне в ресторане.

По ее тону Миа поняла, что разговора по душам не будет.

Разгрузив машину, Дейзи попросила подругу помочь ей переписать привезенный товар. Она чиркала в блокноте, Миа, подчиняясь ее приказам, раскладывала продукты.

– Я смотрю, ты решила меня заездить! – не выдержала она через некоторое время, разминая спину.

– Дорогая, я каждый день так горбачусь, и тут в кои-то веки у меня появилась помощница! Куда ты ходила на ночь глядя?

– Никак не могла уснуть…

– Приходи сегодня вечером в ресторан, повкалываешь – и, поверь мне, уснешь без задних ног.

Миа потащила в холодильную камеру коробку с баклажанами, но Дейзи призвала ее к порядку.

– Чтобы овощи сохраняли вкус, им нужна комнатная температура.

– Хватит меня муштровать!

– А рыбу, наоборот, держат в холодильнике.

– Интересно, Кейт Бланшетт стала бы таскать рыбу в холодильник ресторана?

– Заслужишь «Оскар», тогда и поговорим.

Миа вышла из холодильной камеры с пачкой масла, взяла из корзины багет и села за стойку. Дейзи сама разложила оставшиеся продукты.

– Проверяя почту, я случайно наткнулась на забавную штучку, – проговорила Миа с набитым ртом.

– Какая еще штучка?

– Сайт знакомств.

– Случайно, говоришь?

– Честное благородное слово! – Для убедительности Миа подняла ладонь.

– Я просила тебя не рыться в моих папках.

– Ты уже знакомилась таким способом с мужчинами?

– Откуда такое возмущение? Ты что, моя мамочка? Насколько я знаю, это не порнографический сайт.

– Нет, но все-таки…

– Что «все-таки»? Похоже, ты никогда не ездишь в автобусе и метро, не ходишь по улицам. Теперь люди глаз не отрывают от гаджетов, им нет дела, что происходит вокруг. В наше время единственный способ привлечь внимание – улыбнуться с экрана смартфона. Я не виновата, что так вышло.

– Ты не ответила на вопрос, – не унималась Миа. – Это работает?

– Я не актриса, у меня нет ни денег, ни поклонников, я не разгуливаю по ковровым дорожкам, мои фотографии не красуются на обложках журналов. Я вкалываю на кухне – это не вписывается в стандарт женщины, которую желают мужчины. Да, я зарегистрировалась на сайте. Да, этим способом я знакомлюсь с мужчинами.

– И что, встречаются подходящие?

– Редко, но Интернет здесь ни при чем.

– Как ты это делаешь?

– Что делаю?

– Ну, например, первое свидание… Как оно проходит?

– Так же, как при случайном знакомстве в кафе. С той разницей, что ты знаешь о человеке немного больше.

– Ты знаешь то, что он сам захотел о себе рассказать.

– Надо учиться расшифровывать профили, тогда начнешь разбираться, кто есть кто.

– Как же этому научиться?

– Почему это тебя заинтересовало?

Миа подумала, прежде чем ответить.

– Так, пригодится для роли, – ответила она уклончиво.

– Для роли? Так я и поверила! – Вздохнув, Дейзи подсела к Миа. – Даже псевдоним уже немало говорит о личности. «Мамочка, знакомься, это Дуду21, звучит гораздо лучше, чем Роро-хитрец, который тебе так понравился». Мистер Биг – изящно, да? Или Эль-Белло – скромностью разит за километр. Со мной пытался познакомиться некто Гаспачо2000. Представь, что ты целуешься с Гаспачо…

Миа прыснула.

– Дальше смотрим, что они пишут о себе. Часто они лепят столько орфографических ошибок, что остается их только пожалеть.

– Так много?

– Мой повар придет только через час. Давай вернемся домой, я тебе покажу.

Дома Дейзи зашла на сайт знакомств и позвала Миа.

– Полюбуйся, что пишет вот этот: «Привет, ты красивая и веселая? Если да, то я создан для тебя, я тоже весельчак, а еще я очаровательный и страстный…» Ну, нет, Эрве51, мне очень жаль, но я страшненькая и грустная… Не представляю, как можно писать такую чушь! А вот, – она щелкнула по другой иконке, – те, кто заглядывал в твой профиль.

Открылось новое окно, и Дейзи стала перебирать кандидатов.

– Вот этот пишет о себе, что он спокойный, и ему можно верить: похоже, он выкурил три косяка подряд, прежде чем сфотографироваться, причем прямо в интернет-кафе, очень вдохновляет! А как тебе это: «Ищу женщину для позирования…» По – моему, комментарии излишни.

– А вот этот, следующий, как будто ничего, – воодушевилась Миа. – Не женат, смельчак, ответственная работа, люблю музыку, ходить в рестораны…

– Не торопись, надо прочитать все, что он написал, – сказала Дейзи. – Смотри: «Ставлю шоколадку, что ты прочтешь мое объявление до конца». Нет уж, Дэнди26, забери свои шоколадки себе.

– А это что такое? – не унималась Миа.

– Профили, отобранные сайтом. В зависимости от того, что ты написала о себе, алгоритмы совместимости предлагают встречи. Что-то вроде компьютерного варианта случайности.

– Покажи-ка!

Некоторые профили из новой подборки вызывали откровенный смех. На одном Миа все же задержалась:

– Подожди, вот этот занятный, смотри!

– Да брось ты!

– Что тебя в нем не устраивает?

– Романист…

– Ну и что, разве это недостаток?

– Смотря что у него опубликовано. Некоторые именуют себя писателями, а сами даже первой страницы романа не закончили и целыми днями торчат в кафе. Те, кто взял десяток уроков актерского мастерства, мнят себя выпускниками лучших актерских школ, а те, кто кое-как бренчит на гитаре, объявляют себя новыми Леннонами. Все они мечтают о дурочке, к которой можно присосаться и жить припеваючи, мечтая о будущей творческой карьере. Знаю я таких, их видимо-невидимо!

– Ты всюду видишь только плохое. Слишком уж ты сурова. К твоему сведению, я тоже училась на актерских курсах.

– Может быть, но у меня есть опыт общения с такими забавниками. Хотя я с тобой согласна, этот твой писатель на фотографии, с тремя порциями сладкой ваты в одной руке, симпатичный… Наверное, у него трое детей!

– Или он сластена!

– Все это только предположения. Мне пора обратно в ресторан, на ланч придет куча народу.

– Подожди еще минутку. Что значат конвертик и кружок на фотографии?

– В конверте его письма тебе, зеленый кружок – приглашение поговорить напрямую. Но я не советую тебе шалить, отправляя послания, тем более не с моего компьютера. Тут тоже существует определенные правила и ритуалы.

– Какие еще ритуалы?

– Если он назначает тебе встречу в кафе вечером, то, значит, надеется переспать с тобой, а потом поужинать. Если приглашает в ресторан, это лучше, но надо быстро выяснить, где он живет. Если до его дома от места вашей встречи меньше полукилометра, это выдает его намерения. Если он не заказывает закусок, значит, скупердяй, если сам для тебя заказывает, значит, скупердяй в квадрате. Если первые четверть часа болтает только о себе, удирай сломя голову. Если рассказывает первые полчаса о своей бывшей – значит, он еще не забыл о прежних неудачных отношениях, а значит, тоже удирай. Если задает слишком много вопросов о твоем прошлом – он ревнивец, если допытывается о твоих планах на ближайшее будущее – хочет понять, ляжешь ли ты с ним в постель прямо сегодня. Если не отлипает от мобильника – зна-

чит, многостаночник. Плачется – значит, ищет «жилетку», хвастается, что заказал хорошее вино, – задавака, предлагает разделить пополам счет – тебе попался истинный джентльмен, забыл дома кредитную карточку – нахлебник.

– А что делаем мы, женщины? Что нам говорить, а о чем помалкивать?

– Мы?

– Ты!

– Миа, мне на работу пора, МЫ вернемся к этой теме позже.

Дейзи кинулась к двери.

– Осторожнее с моим компьютером, это тебе не игрушка, – напомнила она на бегу.

– У меня и в мыслях этого не было.

– Врать-то ты не умеешь.

Дверь за ней захлопнулась.

6

Издатель своим звонком поднял Пола с постели, сообщив, что для него имеется важное известие. Больше ничего не сказал и потребовал личной встречи.

Гаэтано Кристонели впервые предлагал Полу вместе позавтракать. К тому же прежде они никогда не встречались раньше 10 часов утра.

Гаэтано был оригинальным издателем, можно сказать, белой вороной. Эрудированный человек, страстно увлеченный своим делом, он, хоть и был итальянцем, остановил свой выбор на французской литературе. Как-то в юности, отдыхая вместе с матерью в Ментоне, он случайно наткнулся в библиотеке дома, который они снимали, на книгу Ромена Гари «Обещание на рассвете», и это определило всю его жизнь. Для Гаэтано, конфликтовавшего с матерью, эта книга послужила спасительным якорем. Перевернув последнюю страницу, он решил, что все понял, кроме слез, вызванных обманом во благо, к которому прибегла мать героя. Гаэтано решил посвятить свою жизнь чтению и жить только во Франции. По причудливой иронии судьбы прах Ромена Гари был рассеян спустя много лет в том самом месте, где Гаэтано влюбился в книги. Сам он усматривал в этом верный признак правильности своего выбора.

Он устроился стажером в парижское издательство и стал вести роскошную жизнь благодаря щедрости состоятельной дамы на десять лет старше его. Она сделала его своим любовником. Потом были другие победы, всегда над дамами со средствами, но всякий раз разница в возрасте все уменьшалась. Гаэтано нравился женщинам, его эрудиция играла в этом немалую роль, но еще большую – его волнующее сходство с Мастроянни, весьма ценное подспорье в любовной жизни молодого человека. Короче, он был оригинал и эрудит, и немудрено: требуется много оригинальности вкупе с талантом, чтобы, будучи итальянцем, издавать во Франции американца.

Среди прочих оригинальных свойств Гаэтано, читавшего по-французски с той же умственной цепкостью, что и на своем родном языке, и способного обнаружить одинокую опечатку в пятисотстраничном томе, была чрезвычайно невнятная речь: он путал слова, а часто изобретал новые. Его психоаналитик объяснял это тем, что мысль у пациента обгоняет речь. Сам Гаэтано воспринимал эту особенность как орден Почетного легиона, присужденный свыше.

В 9.30 Гаэтано Кристонели ждал Пола в кафе «Дё-Маго». На столе стояла тарелка с круассанами.

– Надеюсь, ничего страшного? – обеспокоенно спросил Пол, усаживаясь.

– Правду говоря, дорогой друг, – начал Гаэтано, широко разводя руки, – этим утром, еще на заре, мне был телефонный звонок. Невероятный…

В слово «невероятный» Гаэтано напихал столько лишних «о», что, пока оно отзвучало, Пол успел выпить чашечку эспрессо.

– Не желаете ли еще? – удивленно осведомился издатель. – У нас, знаете ли, кофе пьют в два, самое большее в три глотка, даже ристретто. Самое вкусное остается на дне чашки. Но вернемся к нашим баранам, дорогой Паоло.

– Пол.

– Я так и сказал. В общем, сегодня утром поступил потрясаааааающий звонок.

– Чрезвычайно рад за вас.

– Мы, то есть они, продали уже триста тысяч экземпляров вашего романа о злоключениях американца в Париже. Просто за-ме-ча-тель-но!

– Во Франции?

– Нет, здесь всего семьсот пятьдесят, но это тоже великолепственно.

– А в Италии?

– Глядя на наши рейтинги, они пока еще не пожелали его издать, но не волнуйтесь, эти болваны в конце концов передумают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.